

МАККАНН (McCANN) и другие против СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Судебное решение от 27 сентября 1995 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Заявители, граждане Ирландии и подданные Соединенного Королевства Маргарет Макканн, Даниэл Фаррелл и Джон Сэвидж являются родителями Даниэля Макканна, Майред Фаррелл и Шона Сэвиджа, которые были застрелены 6 марта 1988 г. в Гибралтаре военнослужащими специальной воздушно-десантной службы, которая входит в состав Британской армии.

Властям Соединенного Королевства, Испании и Гибралтара еще до 4 марта 1988 г. стало известно, что Временная ИРА (Ирландская республиканская Армия) планирует террористический акт в Гибралтаре. Из анализа разведывательных данных британские власти и власти Гибралтара пришли к выводу, что 5 марта, что группа ИРА (личности участников уже были установлены) проведет террористический акт, заложив бомбу с механизмом дистанционного управления в легковой автомобиль. Было решено арестовать членов группы после того, когда они доставят автомобиль в Гибралтар, что дало бы возможность получить улики для последующего судебного разбирательства. Власти считали членов группы опасными террористами, которые почти наверняка будут вооружены и в случае столкновения с силами безопасности возможно используют свое оружие или взорвут бомбу.

Шестого марта 1988 г. после полудня было установлено, что Шон Сэвидж припарковал автомобиль в Гибралтаре. Позднее наблюдатели заметили, что он вместе с Даниэлем Макканном и Майред Фаррелл обследовал то место, где находился припаркованный им автомобиль. После того, как все трое удалились от машины, эксперт по обезвреживанию бомб доложил после беглого визуального осмотра автомашины, что, по его мнению, в ней возможно заложена бомба. Было принято решение об аресте трех указанных лиц. Комиссар полиции Гибралтара поручил руководство операцией непосредственному командиру военнослужащих специальной воздушно-десантной службы (SAS). Двое военнослужащих следовали за Макканном и Фаррелл. Когда Макканн оглянулся, один из них выхватил пистолет и приказал остановиться. Макканн сделал движение рукой к внутреннему карману, рука Фаррелл быстро скользнула к сумочке. Думая, что оба потянулись за механизмом дистанционного управления, чтобы взорвать бомбу, заложенную в автомобиль, сотрудники SAS выстрелили несколько раз с близкого расстояния, сразив обоих.

За Сэвиджем следовали двое других военнослужащих. Когда раздались выстрелы по Макканну и Фаррелл, он резко развернулся и лицом к лицу столкнулся с сотрудниками SAS, следовавшими за ним. Один из них громко приказал ему остановиться и вытащил пистолет. Правая рука Сэвиджа двинулась к бедру. Опасаясь, что он хочет привести в действие механизм дистанционного управления, сотрудники SAS выстрелили с близкого расстояния, что привело к гибели Сэвиджа.

По свидетельству патологоанатома, в Фаррелл попало восемь пуль, в Макканна — пять и в Сэвиджа — шестнадцать.

Ни оружия, ни дистанционного устройства ни у кого из трех подозреваемых обнаружено не было. В результате осмотра было установлено, что в машине, ранее припаркованной Сэвиджем, не было взрывного устройства или бомбы. Однако другая машина, позднее обнаруженная испанской полицией в Марбелле, Испания, содержала взрывное устройство из шестидесяти четырех килограммов взрывчатки “Семтэкс”. Эта машина была взята напрокат Фаррелл на чужое имя.

Расследование дела о гибели указанных лиц коронером Гибралтара было открыто 6 сентября 1988 г. Коронер председательствовал на заседании жюри присяжных, избранных из местных жителей. Были заслушаны показания семидесяти девяти свидетелей, включая военнослужащих, офицеров полиции, сотрудников службы наблюдения, участвовавших в этой операции, а также патологоанатомов, судебных экспертов и специалистов по взрывным устройствам. Тридцатого сентября 1988 г. присяжные вынесли вердикт о правомерности происшедшего.

Не согласившись с вердиктом, заявители 1 марта 1990 г. предъявили иски Министерству обороны в Высоком Суде Северной Ирландии. Однако в ирландском суде оказался невозможным процесс против Короны. Истцы безуспешно пытались преодолеть это препятствие. В конечном счете 4 октября 1991 г. в рассмотрении дела было окончательно отказано.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 14 августа 1991 г., заявители утверждали, что лишение жизни Даниэля Макканна, Майред Фаррелл и Шона Сэвиджа является нарушением статьи 2 Конвенции, защищающей право на жизнь. Жалоба была принята к рассмотрению 3 сентября 1993 г.

Предприняв безуспешную попытку мирового соглашения, Комиссия представила доклад 4 марта 1994 г., в котором изложила факты по делу и пришла к заключению, что статья 2 не была нарушена (одиннадцатью головами против шести).

Дело было передано Комиссией в Суд 20 мая 1994 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 2 Конвенции

145. Заявители утверждают, что лишение жизни г-на Макканна, г-жи Фаррелл и г-на Сэвиджа сотрудниками сил безопасности является нарушением статьи 2 Конвенции, которая гласит:

“1. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;
- (с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

А. Толкование статьи 2

1. Общий подход

146. В своем подходе к толкованию статьи 2 Суд должен исходить из того, что цель и предназначение Конвенции как инструмента защиты прав человека и ее применение должно быть таким, чтобы ее гарантии были конкретными и эффективными (см., в частности, решение по делу *Сёринг против Соединенного Королевства* от 7 июля 1989 г. Серия А, т. 161, с. 34, п. 87, и решение по делу *Лоизиду против Турции* (предварительные возражения) от 23 марта 1995 г. Серия А, т. 310, с. 27, п. 72).

147. Нужно также иметь в виду, что статья 2 не только защищает право на жизнь, но и излагает обстоятельства, при которых лишение жизни может быть правомерным; это одна из основополагающих статей Конвенции, в отношении которой в мирное время не допускается отступления, возможного по статье 15. В сочетании со статьей 3 она гарантирует одну из основных ценностей демократических обществ, создавших Совет Европы (см. вышеуказанное решение по делу Сёринга, с. 34, п. 88). Толкование норм, содержащихся в этой статье должно быть ограничительным.

148. Суд считает, что исключения, изложенные в п. 2, конечно распространяются на случаи намеренного лишения жизни, но говорят не только о них. Как указала Комиссия, текст статьи 2, взятой в целом, свидетельствует, что п. 2 главным образом определяет не те случаи, при которых кто-то может быть намеренно лишен жизни, а описывает ситуации, когда допускается “применение силы”, что может привести к непреднамеренному — лишению жизни. Применяемая сила, однако должна быть “абсолютно необходимой” для достижения одной из целей, изложенных в подпунктах (а), (b), (с) (см. жалобу № 10044/82, *Стюарт против Соединенного Королевства* от 10 июля 1984 г. Серия А, т. 39, с. 169—171).

149. В этом отношении использование формулы “абсолютно необходимый” в п. 2 статьи 2 указывает на то, что следует провести более строгую и тщательную, чем обычно, проверку того, является ли действие государства “необходимым в демократическом обществе” в соответствии с п. 2 в статьях 8—11 Конвенции. В частности, применение силы должно быть строго соразмерно достижению целей, изложенных в п. 2 (а), (b) и (с) статьи 2.

150. В соответствии с важностью этой нормы (статья 2) в демократическом обществе Суд должен при рассмотрении дела подвергнуть случаи лишения жизни самому тщательному изучению, особенно тогда, когда преднамеренно применяется сила, влекущая за собой лишение жизни, причем

необходимо учитывать не только действия представителей государства, которые реально применяют эту силу, но также и все сопутствующие обстоятельства, включая такие вопросы, как планирование возможных действий и контроль за ними.

2. Об обязанности охранять жизнь в свете статьи 2 п. 1

(а) Соответствие национального права и практики его применения требованиям статьи 2

151. В разделе жалобы под таким заголовком заявители утверждают, что в статье 2 п. 1 Конвенции на государства возлагается позитивная обязанность “охранять” жизнь. В частности, национальное право должно строго контролировать и ограничивать обстоятельства, при которых человек может быть лишен жизни представителями государства, действующими от его имени. Государство должно также обеспечить надлежащую подготовку, инструктаж и указания для своих военнослужащих или других должностных лиц, действующих от его имени, которые вправе применять силу, и должно осуществлять строгий контроль за любыми операциями с применением силы, способной повлечь за собой лишение жизни.

По мнению заявителей, внутреннее право является расплывчатым и неопределенным и не включает норму об абсолютной необходимости, содержащуюся в статье 2. Они утверждают, что это само по себе представляет нарушение статьи 2 п. 1. Это положение нарушается также тем, что право не содержит требования, чтобы должностные лица действовали в строгом соответствии с нормами статьи 2 п. 1.

152. По мнению Комиссии, с которым согласилось Правительство Соединенного Королевства, статью 2 не следует толковать как требование наличия во внутреннем праве идентичной формулировки. Достаточно, если оно по существу обеспечивает охрану права, предусмотряемого Конвенцией.

153. Суд напоминает, что Конвенция не обязывает Высокие Договаривающиеся Стороны инкорпорировать ее нормы в национальное законодательство (см. *inter alia* решение по делу *Джеймс и другие против Соединенного Королевства* от 21 февраля 1986 г. Серия А, т. 98, с. 47, п. 84, и решение по делу “*Святые монастыри против Греции*” от 9 декабря 1994 г. Серия А, т. 301-А, с. 39, п. 90). Более того, в функции органов Конвенции, не входит изучение *in abstracto* соответствия законодательных или конституционных норм требованиям Конвенции (см., например, решение по делу *Класс и другие против Федеративной Республики Германии* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 18, п. 33).

154. Учитывая вышесказанное, следует отметить, что статья 2 Конституции Гибралтара (см. п. 133 выше) аналогична статье 2 Конвенции, за исключением того, что норма, обосновывающая применение силы, способной повлечь за собой лишение жизни, говорит о “разумно оправданной” силе, в отличие от “абсолютно необходимой” в п. 2 статьи 2. Хотя на первый взгляд кажется, что норма Конвенции является более строгой, чем соответствующая норма национального права, Правительство утверждает, что, учитывая, каким образом норма толкуется и применяется национальными судами

(см. п. 134—135 выше), между двумя этими понятиями нет по существу сколько-нибудь значительной разницы.

155. По мнению Суда, независимо от того, насколько справедливо данное утверждение, различие между этими двумя нормами не настолько велико, чтобы на одном этом основании сделать вывод о нарушении статьи 2 п. 1.

156. Что касается аргументов заявителей относительно подготовки и инструктирования лиц, действующих от имени государства, и необходимости оперативного контроля, Суд считает, что это вопросы, которые в контексте данного дела поднимают в свете статьи 2 п. 2 проблему соразмерности реакции государства на возникшую угрозу террористического акта. В этом отношении достаточно отметить, что инструкции о порядке действий, полученные военнослужащими и полицейскими в данном случае, представляют собой ряд правил, четко определяющих порядок применения силы, и полностью соответствуют внутренним нормам, а также по существу норме, содержащейся в Конвенции (см. п. 16, 18 и 136—137 выше).

(b) Адекватность коронерского расследования как механизма проведения следствия

157. В разделе под таким заголовком заявители также утверждают, ссылаясь на соответствующие нормы, содержащиеся в Принципах ООН о применении силы (см. п. 138—139 выше), что государство обязано обеспечить эффективную процедуру *ex post facto* для установления обстоятельств, связанных с гибелью в результате действий лиц, выступающих от имени государства, путем независимой судебной процедуры, к которой родственники должны иметь свободный доступ.

Вместе *amicis curiae* организацией “Международная амнистия”, Англо-ирландской правозащитной организацией и другими организациями они утверждают, что процедура расследования не отвечала этому процессуальному требованию в силу ряда недостатков. В частности, не было проведено независимое полицейское расследование ни одного из аспектов операции, в ходе которой в результате применения огнестрельного оружия погибли люди; не были соблюдены существующие правила расследования на месте преступления; не все очевидцы происшествия были найдены или опрошены полицией; коронер рассматривал дело с составом присяжных, сформированным из жителей гарнизонного городка, тесно связанного с военными; коронер отказал в разрешении на проведение проверки состава присяжных с целью исключить тех из них, кто находится на службе Короны; ограничение в публичном интересе свидетельств, по указанию правительственных властей, фактически помешало изучению операции в целом.

По мнению заявителей, в ходе расследования они не имели равного представительства со стороны, защищавшей интересы Короны, что значительно затрудняло их усилия по установлению истины; им не оказали судебной помощи, и их представляли только два адвоката; свидетельские показания были предоставлены заблаговременно представителям Короны и адвокатам, представлявшим интересы полиции и военнослужащих, но не были предоставлены их адвокатам, за исключением отчетов о результатах баллистической и патологоанатомической экспертиз; они не имели средств, необходимых для оплаты копии следственных протоколов, которая составляла от 500 до 700 фунтов стерлингов.

158. Правительство утверждает, что механизм расследования был эффективным, независимым и гласным, полностью удовлетворял всем процессуальным требованиям, которые можно вывести из статьи 2 п. 1 Конвенции. В частности, представители Правительства утверждали, что Суд не должен стремиться определить единый набор норм, на основе которых должны оцениваться все следственные действия по установлению обстоятельств смерти. Более того, важно проводить различие между следствием и гражданско-правовыми процедурами по возмещению за предполагаемое нарушение права на жизнь. И наконец, они призвали Суд отклонить аргумент *ami si apcial* Англо-ирландской правозащитной организации и других о том, что в каждом случае, когда Суд обнаруживает серьезные расхождения с рекомендациями ООН “Принципы эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней” и расследованием, проведенным по делу о смерти человека, имеет место нарушение статьи 2 п. 1 (см. п. 140 выше).

159. С точки зрения Комиссии, в ходе расследования действия государства были подвергнуты широкому, независимому и в высшей степени гласному рассмотрению, тем самым обеспечив достаточные процессуальные гарантии достижения целей, изложенных в статье 2 Конвенции.

160. Суд не считает, что по данному делу необходимо принять решение о том, дает ли статья 2 п. 1 право на обращение в суд с гражданским иском в связи с лишением жизни, поскольку этот вопрос целесообразнее рассматривать на основании статей 6 и 13 Конвенции, на которые заявители не ссылаются.

161. Суд ограничивается тем, что отмечает, как и Комиссия, что запрет общеюридического характера лицам, действующим от имени государства, произвольно лишать кого-либо жизни был бы на практике неэффективным, если бы не существовала процедура для рассмотрения законности применения государственными органами силы, влекущей за собой лишение жизни. Обязанность охранять право на жизнь, содержащаяся в этой норме (статья 2), рассматриваемая в сочетании с общей обязанностью государств согласно статье 1 Конвенции, “обеспечивать каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции”, подразумевает необходимость иметь в той или иной форме возможность провести эффективное официальное расследование в случаях гибели людей в результате применения силы в том числе лицами, действующими от имени государства.

162. Однако в связи с данным делом не представляется необходимым, чтобы Суд решал, в какой форме должно проходить такое расследование и при каких условиях оно должно осуществляться, поскольку в действительности имело место гласное расследование, на котором заявители были представлены в соответствии с законом и в ходе которого были заслушаны семьдесят девять свидетелей. Более того, расследование продолжалось двенадцать дней, и, как следует из многотомного стенографического отчета, в ходе его были подробно рассмотрены все события, связанные с гибелью людей. Далее, из стенографического отчета, включая напутственное слово коронера присяжным, видно, что адвокаты, представлявшие интересы заявителей, смогли допросить, в том числе путем перекрестного допроса, ключевых свидетелей, военнослужащих и полицейских, участвовавших в планировании и осуществлении антитеррористической операции, и сделать в ходе расследования заявления, которые они сочли необходимыми.

163. В свете вышеизложенного Суд не считает, что различные недостатки, которые, как утверждают заявители и *amicus curial*, имели место в ходе следствия, существенно помешали проведению тщательного, беспристрастного и внимательного изучения обстоятельств, связанных с гибелью людей.

164. Из этого следует, что в данном отношении не было нарушения статьи 2 п. 1 Конвенции.

В. Применение статьи 2 к фактам по данному делу

1. Общий подход к оценке свидетельских показаний

165. Признавая, что органы Конвенции никоим образом формально не связаны решениями жюри присяжных в ходе расследования, Правительство тем не менее считает, что вердикты присяжных исключительно важны для любого последующего рассмотрения обстоятельств смерти погибших. Следовательно, Суд обязан учесть их значимость, если только ничто не свидетельствует ей о иррациональном характере или о том, что они не были вынесены ненадлежащим судом первой инстанции. В данном деле имевшийся состав присяжных был в исключительно удачном положении с точки зрения возможностей оценки обстоятельств, связанных с гибелью людей. Члены жюри присяжных выслушали каждого из семидесяти девяти свидетелей и подробный перекрестный допрос ряда из них. Благодаря этому жюри могло оценить достоверность и доказательную ценность свидетельских показаний. Правительство отметило, что присяжные также заслушали аргументы различных сторон, в том числе заявления адвокатов, представлявших интересы погибших.

166. С другой стороны, заявители утверждают, что судебные расследования по своей природе не могут быть полным, углубленным изучением таких спорных случаев лишения жизни, которые были в этом деле. В процессе расследования к тому же не было оценки в плане таких понятий, как “соразмерность” и “абсолютная необходимость”. Были применены более мягкие критерии “разумного применения силы” или “разумной необходимости”. Кроме того, жюри присяжных, рассматривая действия военнослужащих, сопровождавшиеся применением оружия, сосредоточило внимание на их уголовной виновности, а не на таких обвинениях, как небрежное планирование операции.

167. Комиссия рассмотрела дело на основании объяснений сторон и представленных ими документов, прежде всего материалов расследования. Комиссия не считала себя связанной выводами жюри присяжных.

168. Суд принимает во внимание, что в соответствии с Конвенцией установление и подтверждение фактических обстоятельств относится в основном к компетенции Комиссии. Соответственно только в исключительных обстоятельствах Суд пользуется своими полномочиями в этой области. Суд, однако не связан выводами Комиссии и вправе делать свою собственную оценку фактических обстоятельств в свете всех материалов, представленных ему (см., в частности, решение по делу *Круз Варас и другие против Швеции* от 20 марта 1991 г. Серия А, т. 201, с. 29, п. 74, а также решение по делу *Класса* от 22 сентября 1993 г. Серия А, т. 269, с. 17, п. 29).

169. По данному делу ни Правительство, ни заявители на слушании в Суде не оспаривали фактов, установленных Комиссией, хотя фундамен-

тально расходятся в выводах, которые следуют из них в свете статьи 2 Конвенции.

На основании выступлений сторон и материалов дела, Суд считает, что факты, установленные Комиссией, и выводы, изложенные выше в пунктах 13—132, являются правильным и достоверным изложением фактов, лежащих в основе настоящего дела.

170. Что касается оценки этих фактов с точки зрения статьи 2, то Суд отмечает, что жюри присяжных имело возможность заслушать свидетелей непосредственно, наблюдать за их поведением и оценивать доказательную силу их показаний.

Тем не менее необходимо учитывать, что выводы жюри присяжных ограничиваются решением о законности лишения жизни и, как это принято, не содержат мотивировки принятого решения. Кроме того, внимание жюри присяжных и критерии, примененные им, были направлены на то, чтобы выяснить, было ли лишение жизни, совершенное военнослужащими SAS, разумно оправданным при тех обстоятельствах, а не на то, было ли оно “абсолютно необходимым” в смысле статьи 2 п. 2, в понимании, изложенном выше (см. п. 120 и 148—149).

171. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд должен сам решать, свидетельствуют ли факты, установленные Комиссией, о нарушении статьи 2 Конвенции.

172. Заявители, кроме того, считали, что при расследовании действий государства по делу, в котором сознательное намерение применить силу, способную привести к лишению жизни, было прямо выражено в письменной форме, Суд должен возложить бремя доказывания на Правительство, которое должно снять все разумные сомнения в том, что планирование и исполнение операции соответствовало статье 2 Конвенции. Суд также не должен позволить государству сомневаться в том, что речь идет о его уголовной ответственности.

173. Суд, решая вопрос о том, имело ли место нарушение статьи 2 по данному делу, не решает вопроса об уголовной ответственности тех, кто прямо или косвенно к нему причастен. В соответствии со своей обычной практикой он осуществляет оценку в свете всех материалов, представленных ему заявителями и Правительством, или, в случае необходимости, материалов, полученных им самим (см. решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. Серия А, т. 25, с. 64, п. 160, и вышеупомянутое решение по делу *Круз Варас и другие*, с. 29, п. 75).

2. Утверждения заявителей о преднамеренном характере лишения жизни

174. Заявители утверждают, что лишение жизни указанных лиц преднамеренно планировалось. Признавая отсутствие доказательств о существовании прямого приказа высшего руководства Министерства обороны, они заявляют, что имеются веские косвенные доказательства в пользу их утверждения. Они считают, что замысел убийства мог быть выражен путем намеков и косвенных указаний, наряду с выбором такого военного подразделения, как SAS, которое, как следует из показаний его сотрудников во время расследования, обучено нейтрализовывать цели огнем на поражение. Предоставление ложной информации, подобной той, которая фактически была дана военнослужащим в этом случае, создает вероятность открытия

огня на поражение. Использование SAS само по себе является свидетельством того, что лишение жизни было умышленным.

175. Заявители, кроме того, утверждают, что полиция Гибралтара, по-видимому, не знала о незаконной акции. Офицер E подразделения SAS проводил секретный инструктаж для своих сотрудников, в котором полиция Гибралтара не участвовала. Более того, когда военнослужащие прибыли в отделение полиции после стрельбы, их сопровождал армейский юрист, который ясно заявил, что сотрудники прибыли только с целью сдачи оружия. К тому же они были немедленно отправлены самолетом из Гибралтара, и допрос в полиции так и не состоялся.

176. В обоснование своих утверждений заявители указывали, в частности, на следующие факторы.

Самым хорошим и безопасным способом предотвращения взрыва и захвата подозреваемых было бы не допустить их вместе с взрывным устройством в Гибралтар. Власти имели их фотографии и знали их настоящие и вымышленные имена, а также, какие паспорта у них были с собой.

Если подозреваемые были под пристальным наблюдением испанских властей на пути от Малаги до Гибралтара, как утверждает журналист г-н Дебелиус, то аренда белого автомобиля "Рено" должна была быть замечена и было бы известно, что в нем нет бомбы (см. п. 128 выше).

Данное утверждение подтверждается тем, что власти не приняли мер по ограждению опасной зоны и выводу людей из нее. В Гибралтаре находилось много военных с опытом быстрого вывода людей из зоны возможного взрыва. Единственное объяснение этого бездействия состоит в том, что службы безопасности знали, что в автомобиле не было бомбы.

Военнослужащий G, который был направлен для осмотра автомобиля и доложил, что он подозревает наличие бомбы в автомобиле, во время расследования признал, что он не является специалистом по передаче радиосигналов (см. п. 53 выше). Это важный момент, поскольку единственной основой для его вывода явилось то, что радиоантенна выглядела более старой, чем автомобиль. Настоящий специалист подумал бы об устранении антенны, чтобы нейтрализовать радиодетонатор, что могло бы быть сделано, как засвидетельствовал д-р Скотт, без приведения в действие взрывного устройства. Специалист должен знать, что если подозреваемые намеревались взорвать бомбу с помощью радиосигнала, они не стали бы использовать ржавую антенну, которая ухудшает возможность приема четкого сигнала, а применили бы хорошую, чистую антенну (см. п. 114 выше). Из показаний G также явствует, что он не является специалистом и по взрывным устройствам. Таким образом, существует возможность, что настоящая роль сотрудника G состояла в том, чтобы доложить, что он подозревает наличие бомбы в автомобиле для получения от полиции Гибралтара подписи на документе, разрешающем SAS применение оружия на поражение.

177. Согласно заявлению Правительства, решение жюри присяжных о законности лишения жизни подразумевает, что жюри считает установленным фактом отсутствие заговора с целью лишения жизни трех террористов и что при планировании и выполнении операции в Гибралтаре такая цель не ставилась. Задача операции состояла в осуществлении законного ареста трех террористов и именно с этой целью была запрошена и получена помощь военных. Кроме того, жюри присяжных, по-видимому, не согласилось также с утверждением заявителей, что военнослужащие A, B, C и D со-

знательно стремились убить террористов, действуя в соответствии либо с прямым приказом, либо отданным “кивком головы или намеком”.

178. По заключению Комиссии, отсутствуют доказательства в пользу утверждения заявителей о существовании преднамеренного заговора с целью убить подозреваемых.

179. Суд отмечает, что ему необходимо получить убедительные доказательства, прежде чем он сможет сделать вывод о существовании преднамеренного плана, в том смысле, который вкладывают в это заявители.

180. Изучив представленные ему материалы Суд не считает установленным, что на высшем уровне руководства Министерства обороны или в Правительстве имел место заговор с целью лишения жизни и что военнослужащие А, В, С и D побуждались к этому или им были даны соответствующие указания их начальниками, которые проводили инструктаж перед операцией, или что они по собственной инициативе действительно решили убить подозреваемых независимо от того, будут ли основания для применения оружия на поражение, и не считаясь с полученными инструкциями на арест. Отсутствуют также доказательства, что власти в скрытой форме поощряли, намекали и косвенно побуждали к ликвидации трех подозреваемых.

181. Факторы, которыми оперируют заявители, сводятся к ряду предположений о том, что власти, по-видимому, знали об отсутствии бомбы в автомобиле. Однако принимая во внимание полученную властями оперативную информацию, биографии трех террористов, имевших ранее отношение к взрывным устройствам, а также тот факт, что г-н Сэвидж, как было видно наблюдавшим, “возился с чем-то”, перед тем как покинул автомобиль (см. п. 38 выше), мнение о том, что в автомобиле находилась бомба, нельзя назвать ни неправдоподобным, ни полностью лишенным оснований.

182. В частности, решение пропустить террористов в Гибралтар, хотя и заслуживает критики, учитывая риск, с которым оно было связано, соответствовало разработанному плану ареста, согласно которому никакие действия по задержанию не должны были предприниматься, пока все трое не появятся в Гибралтаре и не будет достаточных доказательств подготовки ими преступления, необходимых для их осуждения.

183. Суд также не может согласиться с утверждением заявителей, что использование SAS само по себе является доказательством того, что лишение жизни подозреваемых было умышленным. В этой связи Суд отмечает, что SAS является особым подразделением, которое прошло специальную подготовку по борьбе с терроризмом. Поэтому вполне естественно, что, получив заранее предупреждение о предстоящем террористическом акте, власти захотели прибегнуть к умению и опыту SAS, чтобы противодействовать этой угрозе, по возможности, с наибольшей безопасностью и знанием дела.

184. Суд поэтому отклоняет как недоказанное выдвинутое заявителями обвинение в том, что лишение жизни трех подозреваемых было преднамеренным или результатом молчаливого соглашения участников операции.

3. Проведение и планирование операции

(а) Аргументы выступивших в Суде

(1) Заявители

185. По мнению заявителей Суд поступит неправильно, как это сделала Комиссия, ограничив рассмотрение вопросом о том, оправданы ли действия

военнослужащих, которые фактически убили подозреваемых. Он должен рассмотреть ответственность Правительства по всем аспектам операции. В самом деле, военнослужащие вполне могли бы быть оправданы уголовным судом, если бы доказали, что действительно верили той необоснованной и ложной информации, которую они получили.

186. Офицер Е, непосредственный начальник военнослужащих во время операции, сказал им, что трое подозреваемых в Гибралтаре заложили бомбу в автомобиль (тогда как военнослужащий G, специалист по обезвреживанию бомб, доложил, что он лишь подозревает наличие бомбы), что бомба была с дистанционным управлением, что каждый из подозреваемых мог взорвать ее из любой точки Гибралтара простым щелчком выключателя и что подозреваемые без колебаний могут это сделать, как только почувствуют, что они замечены. В действительности эти “несомненные обстоятельства” и “факты” были не более чем подозрениями или, в лучшем случае, сомнительными оценками. Однако они были сообщены как достоверные факты военнослужащим, которые были обучены, как это выяснилось из показаний во время расследования, не только открывать огонь при малейшем намеке на угрозу, но и продолжать стрелять, пока не ликвидируют свою цель.

В целом, заявители считают, что лишение жизни стало результатом некомпетентности и небрежности в планировании и проведении антитеррористической операции по аресту подозреваемых, а также неспособности сохранить надлежащий баланс между необходимостью противодействия возникшей угрозе и правом подозреваемых на жизнь.

(2) Правительство

187. Правительство заявило, что действия военнослужащих были абсолютно необходимыми для защиты людей от противоправного насилия в понимании статьи 2 п. 2 (а) Конвенции. Каждый из военнослужащих в мгновение секунды должен был принять решение, которое могло бы повлиять на жизнь многих людей. Они считали, что те движения, которые сделали подозреваемые в тот момент, когда их пытались задержать, создавали впечатление, что террористы вот-вот взорвут бомбу. Это обстоятельство было подтверждено другими свидетелями, которые видели эти движения. Если признать, что военнослужащие честно и разумно считали, что террористы, по которым они открыли огонь, собирались взорвать бомбу нажатием кнопки, то тогда у них не было иного выбора, кроме как открыть огонь.

188. Правительство также подчеркнуло, что многое из той информации, которая была в распоряжении властей, и многие выводы, сделанные ими, оказались точными. Все трое погибших являлись членами группы активных действий ИРА, которая планировала операцию в Гибралтаре; они действительно располагали большим количеством взрывчатых веществ, позднее обнаруженных в Испании; в этой операции должна была применяться бомба, заложенная в автомобиле. Таким образом, жизнь людей в Гибралтаре подвергалась реальной и серьезной опасности.

189. Правительство далее заявило, что при расследовании вопроса о планировании антитеррористической операции необходимо иметь в виду, что разведывательные оценки неизбежно основываются на неполной информации, поскольку бывают известны только фрагменты общей картины. Более того, опыт показал, что ИРА отличается особой безжалостностью и умением в проведении контрразведывательных действий и что эта органи-

зация делает все возможное, чтобы скрыть свои намерения. Кроме того, опыт событий в Северной Ирландии доказал, что ИРА постоянно и быстро применяет новые технологии. Поэтому властям необходимо было иметь в виду, что террористы могли располагать более современными и легче маскируемыми радиоуправляемыми средствами, чем это было в прежних операциях. Наконец, последствия недооценки угрозы, исходящей от группы активных действий, могли привести к катастрофе. Если бы им удалось взорвать бомбу того типа и мощности, как та, что была обнаружена в Испании, все находящиеся на автостоянке люди погибли бы или получили бы тяжкие телесные повреждения, а все те, кто оказался бы в расположенных поблизости зданиях (в числе которых была школа и дом престарелых), получили бы серьезные травмы.

190. Предложения разведывательных служб в ходе операции были разумными в свете того неизбежно ограниченного объема информации, который был у властей; недооценка возможностей и средств террористов привела бы к вероятным разрушительным последствиям. В связи с этим Правительство сделало следующие замечания.

Считалось, что будет применено дистанционно управляемое средство, потому что оно повышает шансы террористов скрыться и максимально увеличивает долю потерь среди военных в сравнении с гражданскими лицами. Кроме того, ИРА всего за шесть недель до этого применила подобное устройство в Брюсселе.

Предполагалось, что любое средство дистанционного управления, подобное представленному Суду, достаточно невелико для того, чтобы можно было легко скрыть его под одеждой. Военнослужащие, участвовавшие в операции, без труда проделывали это с радиоаппаратурой такого размера.

Как показал в ходе расследования капитан Эдвардс, проведенные эксперименты доказали, что бомбу на автостоянке можно было взорвать с того места, где были убиты террористы (см. п. 116 выше).

Прошлый опыт давал все основания предполагать, что взрывное устройство, применяемое террористами, можно было привести в действие простым нажатием кнопки.

По словам свидетеля О, террористам не понадобилась бы машина для предварительной парковки, поскольку они с легкостью нашли бы 8 марта свободное место на автостоянке. Причем использование машины для предварительной парковки существенно увеличивало риск обнаружения террористов, так как потребовались бы две поездки в Гибралтар (см. п. 23 (e) выше).

Нет оснований сомневаться в добросовестности оценки, сделанной военным служащим G относительно того, что машина была заминирована. Прежде всего потому, что он хорошо знаком с тем видом бомб, который мог быть применен в данном случае. Кроме того, машину на стоянку ставил известный специалист по производству подобных устройств, причем было замечено, что он “возился” с чем-то между сиденьями, а радиоантенна, как казалось, не соответствовала автомобилю. Заминированные автомобили, применяемые ИРА, как известно из опыта, оснащаются специально установленными антеннами, и военнослужащий G не мог с уверенностью сказать после наружного осмотра, что в автомобиле не установлено взрывное устройство (см. п. 48 выше). Более того, все трое подозреваемых, как казалось, уезжали из Гибралтара. Наконец, установление оцепления вокруг автомобиля началось только двадцать минут спустя после упомянутой выше

оценки, как из-за нехватки людей, так и потому, что до 7-8 марта не предполагалось проводить мероприятия по эвакуации.

Было бы неосмотрительно со стороны властей полагать, что террористы не взорвали бы бомбу в случае опасности. ИРА — террористическая организация, которая считает, что находится в состоянии войны с Соединенным Королевством, а члены ИРА уже не раз демонстрировали пренебрежение опасностью. Существовал реальный риск того, что если бы террористы оказались перед выбором, проводить ли взрыв, который мог повлечь за собой большое число жертв среди гражданского населения, или отказаться от него совсем, они предпочли бы первое.

(3) Комиссия

191. Комиссия, приняв во внимание то, как военные оценивали опасность для жизни жителей Гибралтара, пришла к мнению, что лишение жизни трех подозреваемых может рассматриваться как абсолютно необходимое условие для обеспечения законной защиты людей от противоправного насилия. Кроме того, Комиссия пришла к следующему выводу: учитывая возможность того, что подозреваемые привезли в машине бомбу, взрыв которой повлек бы за собой гибель многих людей, а также возможность того, что подозреваемые могли взорвать ее, если бы военнослужащие сделали попытку помешать им, планирование и проведение данной операции властями не указывает на наличие какого-либо преднамеренного замысла или на отсутствие надлежащего внимания, в результате которых могло произойти применение силы, влекущей лишение жизни, несоизмерное с необходимостью охраны права на жизнь.

(b) Оценка Суда

(1) Предварительные замечания

192. Рассматривая дело в свете статьи 2 Конвенции, Суд должен учитывать, что информация, полученная властями Соединенного Королевства, о готовящемся террористическом акте в Гибралтаре, поставила их перед серьезной дилеммой. С одной стороны, от них требовалось исполнять свой долг по охране права на жизнь людей в Гибралтаре, включая военнослужащих Великобритании, с другой — минимально применять силу, влекущую лишение жизни, против тех, кто подозревается в создании такой угрозы, в свете обязательств, вытекающих из норм как национального, так и международного права.

193. Необходимо принять во внимание также следующие факторы.

Во-первых, власти столкнулись с группой активных действий ИРА, состоящей из лиц, ранее осуждавшихся за организацию взрывов, и известного специалиста-подрывника. ИРА, судя по ее деятельности в прошлом, всегда пренебрежительно относилась к человеческой жизни, включая и жизнь членов своей организации.

Во-вторых, власти располагали предупреждением о грозящей акции террористов, тем самым имея достаточную возможность планировать свои действия и совместно с местными властями Гибралтара принять меры против террористического акта и арестовать подозреваемых. Однако несомненно, что спецслужбы не могли иметь полной информации и вынуждены были готовить ответную операцию, основываясь на предположениях.

194. На основании вышеизложенного, принимая решение о соответствии примененной силы статье 2, Суд должен тщательно изучить (как указывалось ранее) не только вопрос о строгой соразмерности силы, примененной военнослужащими, с необходимостью защитить людей от противоправного насилия, но и вопрос о том, планировалась ли и проводилась ли властями антитеррористическая операция так, чтобы свести к минимуму (насколько возможно) применение силы, влекущей лишение жизни. Суд рассмотрел каждый из этих вопросов по порядку.

(2) Действия военнослужащих

195. Следует напомнить, что военнослужащим, которые открыли стрельбу (А, В, С и D), командиры сообщили, что машина заминирована и любой из трех подозреваемых может взорвать бомбу с помощью радиоустройства, которое можно укрыть под одеждой, что включить это устройство можно нажатием кнопки, что в случае противодействия им террористы, вероятно, произведут взрыв, который приведет к многочисленным жертвам и тяжелым ранениям, и что также существует вероятность, что подозреваемые будут вооружены и окажут сопротивление при аресте (см. п. 23, 24—27, 28—31 выше).

196. Что касается лишения жизни Макканна и Фаррелл, то Суд напоминает: Комиссия установила, что они были застрелены с близкого расстояния после того, как сделали, по мнению военнослужащих А и В, подозрительные движения руками, похожие на попытку осуществить взрыв бомбы (см. п. 132 выше). Согласно свидетельским показаниям, когда указанные лица падали, по ним стреляли, но когда они лежали на земле, по ним не стреляли (см. п. 59—67 выше). Четверо свидетелей показали, что слышали предупредительный окрик (см. п. 75 выше). Офицер Р подтвердил показания военнослужащих относительно сделанных террористами движений руками (см. п. 76 выше). Офицер Q и полицейский констебль Пароди также подтвердили, что Фаррелл сделала быстрое, подозрительное движение рукой к своей сумочке (там же).

197. Что касается лишения жизни Сэвиджа, согласно показаниям свидетелей, между выстрелами у гаража компании 'Шелл' (Макканн и Фаррелл) и выстрелами у туннеля Лэндпорт (Сэвидж) прошло всего несколько секунд. Комиссия сделала вывод, что маловероятно, чтобы военнослужащие С и D сначала увидели, как застрелили Макканна и Фаррелл, а затем начали преследовать Сэвиджа, который обернулся то ли после сигнала полицейской сирены, то ли при звуках выстрелов (см. п. 132 выше).

Военнослужащий С открыл огонь, потому что Сэвидж направил руку в карман пиджака и тем самым вызвал опасение, что он намеревается нажать кнопку взрывного устройства. К тому же военнослужащий С увидел, что карман оттопырен каким-то большим предметом, который он счел пультом дистанционного управления взрывного устройства. Военнослужащий D также открыл огонь на поражение, полагая, что подозреваемый пытается взорвать бомбу. Показания военнослужащих нашли некоторое подтверждение в показаниях свидетелей H и J, которые видели, как Сэвидж резко обернулся, услышав полицейскую сирену или первый выстрел, и оказался перед военнослужащими (см. п. 83 и 85 выше).

Комиссия пришла к выводу, что в Сэвиджа стреляли с близкого расстояния, пока он не упал на землю и, вероятно, в тот момент, когда он должен был коснуться или уже коснулся земли (см. п. 132 выше). Этот вывод

был подтвержден во время расследования патологоанатомами (см. п. 110 выше).

198. Впоследствии было выяснено, что подозреваемые не имели оружия, что у них не было средств дистанционного управления взрывом и что в машине не было бомбы (см. п. 93, 96 выше).

199. Все четверо военнослужащих признали, что они стреляли на поражение. Они считали, что надо было стрелять в подозреваемых до тех пор, пока те физически будут не в состоянии включить взрывное устройство (см. п. 61, 63, 80 и 120 выше). Согласно заключению патологоанатомов, Фаррелл получила восемь пуль, Макканн — пять, Сэвидж — шестнадцать (см. п. 108—110 выше).

200. Суд признает, что военнослужащие искренне верили (в свете полученной ими информации, которая была изложена выше), что необходимо не дать подозреваемым возможности включить взрывное устройство и тем самым предотвратить гибель многих людей (см. п. 195 выше). Действия, предпринятые ими, согласно полученному приказу, рассматривались ими, следовательно, как абсолютно необходимые для защиты права ни в чем не повинных людей на жизнь.

Суд считает, что применение силы лицами, находящимися на службе государства, для достижения одной из целей, указанных в п. 2 статьи 2 Конвенции, может быть оправдано в соответствии с этой статьей в тех случаях, когда применение силы основывается на искреннем убеждении, которое может считаться верным в момент совершения действия, но впоследствии оказывается ошибочным. Выносить иное решение — означало бы возложить нереальный груз ответственности на плечи государства и сотрудников правоохранительных органов при выполнении долга, и даже подвергать опасности их жизни и жизни других людей.

Следовательно, можно сделать вывод, учитывая дилемму, стоявшую перед властями в связи с обстоятельствами дела, что действия военных сами по себе не вступают в противоречие с положениями Конвенции (п. 2 статьи 2).

201. Тем не менее возникает вопрос о том, была ли операция против террористов в целом подготовлена и проведена в соответствии с требованиями статьи 2 п. 2 и можно ли считать сведения и инструкции, данные военнослужащим (из которых неизбежно следовало применение оружия на поражение), адекватными, принимая во внимание право на жизнь трех подозреваемых.

(3) Подготовка и проведение операции

202. Прежде всего, Суд отмечает, что, как следует из оперативного приказа комиссара полиции, власти имели намерение арестовать подозреваемых в подходящий момент. В ходе расследования были даны показания, согласно которым до 6 марта военнослужащими отрабатывалась операция по проведению задержания и прилагались усилия для поиска подходящего места в Гибралтаре, куда подозреваемых можно было бы поместить после задержания (см. п. 18 и 55 выше).

203. Можно поставить вопрос, почему всех троих подозреваемых не задержали на границе немедленно после их прибытия в Гибралтар и почему (как выяснилось из показаний инспектора Аллгера) было принято решение не препятствовать им при въезде в Гибралтар, если власти располагали информацией о том, что эти лица прибыли с намерением провести

террористическую акцию. Получив заранее предупреждение о намерениях террористов, власти без труда могли организовать операцию по их аресту. Хотя для властей было неожиданным более раннее прибытие подозреваемых, на границе была группа наблюдателей и неподалеку расположенная группа захвата (см. п. 34 выше). В распоряжении спецслужб и испанских властей были фотографии всех трех подозреваемых, были известны их имена, настоящие и вымышленные, а также, по каким паспортам они могут прибыть (см. п. 33 выше).

204. По этому вопросу Правительство заявило, что в то время оно не располагало достаточными основаниями для задержания и предъявления обвинения подозреваемым. Более того, отпустить их, когда им станет известно о степени информированности властей, и позволить им или другим лицам предпринять еще одну попытку, явно повысило бы степень последующего риска. Кроме того, не было уверенности, что эти трое — единственные террористы, с которыми властям придется иметь дело; не располагали они и полной информацией о том, как подозреваемые намереваются совершить взрыв бомбы.

205. В этом отношении Суд ограничивается замечанием, что следует считать, что возможные последствия от недостаточности улик для задержания и судебного разбирательства менее важны, чем опасность для населения Гибралтара (которой прежде всего было обеспокоено Правительство, как это следует из представленных им объяснений), возникшая в связи с тем, что их въезд в страну не был предотвращен. С точки зрения Суда, либо власти знали, что в автомобиле не было никакой бомбы, что Суд уже не принял во внимание (см. п. 181 выше), либо имел место серьезный просчет лиц, ответственных за проведение операции. В результате сложились условия, в которых применение оружия со смертельным исходом, учитывая имевшиеся оценки спецслужб, было возможно или с большой степенью вероятности предвидимо.

Решение не останавливать трех террористов при въезде в Гибралтар, таким образом, является существенным фактором, который необходимо принимать во внимание.

206. Суд отмечает, что на оперативном совещании 5 марта, на котором присутствовали военнослужащие А, В, С и D, рассматривалась вероятность того, что акция будет совершена посредством мощного взрывного устройства, помещенного в автомобиль. Был сделан ряд ключевых оценок. В частности, предполагалось, что террористы не будут использовать дополнительный автомобиль для предварительной парковки; что бомба будет взорвана с помощью радиоуправляемого устройства; что взрыв может быть произведен нажатием кнопки; что скорее всего подозреваемые взорвут бомбу, если их попытаются задержать; что они будут вооружены и, весьма вероятно, применят оружие, если произойдет столкновение (см. п. 23—31 выше).

207. В данном случае все эти решающие предположения, за исключением намерения террористов совершить преступление, были ошибочными. Тем не менее, как было продемонстрировано Правительством на основе его опыта столкновений с ИРА, эти предположения представляли все возможные гипотезы в ситуации, когда реальные факты неизвестны и когда власти действуют на основе ограниченной разведывательной информации.

208. В действительности, по-видимому, другие варианты развития событий были проработаны недостаточно. Например, поскольку взрыв бомбы

ожидался не ранее 8 марта, когда должна была состояться церемония смены караула, то также можно было прийти к выводу, что эти три террориста были направлены с разведывательной миссией. Хотя эта возможность и затрагивалась, она, по-видимому, серьезно не воспринималась (см. п. 45 выше).

К тому же, на оперативных совещаниях или после того, как подозреваемые были обнаружены, могли быть высказаны предположения, что они едва ли намеревались взорвать бомбу и уничтожить тем самым большое число гражданских лиц в тот момент, когда г-н Макканн и мисс Фаррелл шли не спеша в направлении пограничного района, поскольку это увеличивало бы риск их обнаружения и задержания (см. п. 57 выше). Также неправдоподобна мысль о том, что в этот момент они уже настроили передатчик, который позволил бы им немедленно взорвать предполагаемую бомбу в случае попытки их задержания (см. п. 115 выше).

Кроме того, даже если учесть уровень технической подготовки ИРА, то описание детонатора как “устройства, где надо только нажать кнопку” без тех оговорок, которые позже были сделаны экспертами во время расследования (см. п. 115 и 131 выше), о значении которых компетентные власти должны были быть осведомлены, представляет собой крайне упрощенную характеристику этих устройств.

209. Настораживает в данной ситуации и то, что предположение о возможности “подозревать наличие бомбы в автомобиле”, которое военнослужащий G сделал после беглого внешнего осмотра автомобиля, было передано другим военнослужащим, согласно собственному свидетельству последних, как определенно установленный факт наличия такой бомбы (см. п. 48 и 51—52 выше). Следует вспомнить, что, хотя военнослужащий G и имел опыт работы с взрывными устройствами, заложенными в автомобили, он, как выяснилось, не был специалистом в области радиосвязи или взрывчатых веществ, а делая заключение о возможности подозревать наличие бомбы в автомобиле, он основывался на том, что заметил, что антенна не соответствовала автомобилю; таким образом его оценка скорее носила предположительный характер (см. п. 53 выше).

210. В условиях, когда не получили достаточного внимания альтернативные варианты и когда с определенностью сообщалось о существовании автомобиля со взрывным устройством, которое, согласно сделанным оценкам, могло быть детонировано нажатием кнопки, целый ряд рабочих гипотез был преподнесен военнослужащим А, В, С и D как установленные факты, в связи с чем применение силы, влекущей за собой лишение жизни, стало почти неизбежным.

211. Однако тот факт, что не учитывалась возможность ошибки, следует рассматривать также в сочетании с полученной военнослужащими уставкой, что, если они открывают огонь, то должны вести его, пока подозреваемый не будет мертв. Как отмечалось коронером в его напутственном слове присяжным во время расследования, все четверо военнослужащих стреляли с целью лишить жизни подозреваемых (см. п. 61, 63, 80 и 120 выше). Военнослужащий Е свидетельствовал, что военнослужащим говорили, что велика вероятность того, что они будут вынуждены стрелять на поражение, поскольку в случае использования устройства, приводимого в действие нажатием кнопки, в их распоряжении остается очень мало времени (см. п. 26 выше). В этой обстановке власти, связанные обязанностью ува-

жать право подозреваемых на жизнь, должны были проявлять величайшую осторожность при оценке находящейся в их распоряжении информации перед передачей ее военнослужащим, применение оружия которыми автоматически означает стрельбу на поражение.

212. Поскольку из-за ограничений в публичных интересах (см. п. 104-1 (iii) выше), в ходе официального расследования детально не рассматривались полученные военнослужащими инструкции остается неясным, были ли они обязаны определять, оправданно ли применение огнестрельного оружия с целью поражения теми конкретными обстоятельствами, с которыми они столкнулись в момент ареста.

Их рефлекторные действия в этом жизненно важном вопросе лишены той степени осторожности в использовании огнестрельного оружия, которую следует ожидать от сотрудников правоохранительных органов в демократическом обществе, даже когда они имеют дело с опасными людьми, подозреваемыми в терроризме, и явно не отвечают требованиям проявлять осторожность, предусматриваемую инструкциями по использованию полицией огнестрельного оружия, в которых подчеркивается ответственность перед законом каждого офицера в зависимости от ситуации, в которой применено оружие (см. п. 136 и 137 выше).

Это упущение властей также дает основания предполагать, что не была проявлена необходимая осторожность при контроле и проведении операции ареста.

213. В итоге, принимая во внимание, что было решено не препятствовать въезду подозреваемых в Гибралтар, что власти не смогли учесть возможность ошибочности своих разведывательных оценок, по крайней мере в некоторых аспектах, и что, когда военнослужащие открыли огонь, это автоматически означало применение силы, влекущей за собой лишение жизни, Суд не убежден, что лишение жизни трех террористов представляло собой применение силы, абсолютно необходимой для защиты людей от противоправного насилия по смыслу статьи 2 п. 2 (а) Конвенции.

214. Соответственно, Суд констатирует, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

II. Применение статьи 50 Конвенции

215. Статья 50 Конвенции предусматривает следующее:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятая судебными или иными властями Высокой Договаривающей Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также, если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

216. Заявители потребовали выплатить возмещение в том же самом размере, в каком оно присуждается согласно английскому праву лицу, незаконно лишенному жизни лицами, действующими от имени государства. В случае, если Суд установит, что лишение жизни было как неправомерным, так и преднамеренным или явилось результатом грубой небрежности, они просили также выплатить штрафную компенсацию в том же самом разме-

ре, в каком она присуждается согласно английскому праву родственникам лица, лишённого жизни при подобных обстоятельствах.

217. Что касается судебных издержек и расходов, то заявители потребовали компенсации всех издержек, прямых или косвенных, возникших в результате лишения жизни, включая расходы родственников и адвокатов, участвовавших в расследовании в Гибралтаре, и все расходы в Страсбурге. Издержки солиситора, связанные с расследованием в Гибралтаре, оценены в сумме 56 200 фунтов стерлингов и его затраты в Страсбурге — 28 800 фунтов стерлингов. Адвокат запросил 16 700 фунтов стерлингов в покрытие затрат и расходов в Страсбургском суде.

218. Правительство полагало, что если будет установлен факт нарушения Конвенции, это само является достаточным возмещением материального и морального ущерба.

Что касается затрат, понесенных в учреждениях Страсбурга, то было указано, что заявителям следует присудить только фактически понесенные самые необходимые затраты в разумных пределах. Однако касательно требований о возмещении затрат, связанных с расследованием в Гибралтаре, Правительство придерживалось той точки зрения, что (1) в принципе затраты по проведению судебного разбирательства в стране, включая затраты на расследование коронером, не подлежат возмещению по статье 50; (2) поскольку юридические представители заявителей действовали безвозмездно, то не может быть никакого основания для присуждения судебных издержек в пользу заявителей; (3) в любом случае требуемые к возмещению судебные издержки не были рассчитаны на основе обычных ставок солиситора.

А. Возмещение материального и морального ущерба

219. Суд отмечает, что из представлений заявителей не ясно, подпадает ли требование о финансовой компенсации под определение материального или морального ущерба или под оба сразу. В любом случае, учитывая тот факт, что трое погибших подозреваемых террористов намеревались произвести взрыв в Гибралтаре, Суд не считает уместным присуждать компенсацию по данному пункту. Поэтому Суд отклонил требование заявителей о возмещении ущерба.

В. Судебные издержки и расходы

220. Суд напоминает, что, в соответствии с его практикой в данной связи возмещаются только фактически понесенные самые необходимые затраты в разумных пределах.

221. Что касается затрат в Гибралтаре, то заявители утверждали на слушаниях в Комиссии, что их юридические представители выполняли свои функции безвозмездно. Ничего не говорилось об обязательстве оплаты солиситора. В этих обстоятельствах нельзя требовать возмещения затрат по статье 50, поскольку они не были фактически понесены.

222. Что касается издержек и расходов, понесенных во время слушаний в Страсбурге, то Суд, проведя справедливую оценку, присудил в пользу солиситора и адвоката соответственно 22 000 и 16 700 фунтов стерлингов, за минусом 37 731 французского франка, полученного от Совета Европы в виде судебной помощи.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* десятью голосами против девяти, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что Соединенное Королевство должно выплатить заявителям в течение трех месяцев 38 700 (тридцать восемь тысяч семьсот) фунтов стерлингов в порядке возмещения судебных издержек и расходов в связи с разбирательством дела в Страсбурге за вычетом 37 731 (тридцать семь тысяч семьсот тридцать один) французского франка, конвертированного в фунты стерлингов по валютному курсу на день вынесения настоящего решения;

3. *Отклонил* единогласно требование заявителей о выплате возмещения за причиненный вред;

4. *Отклонил* единогласно требование заявителей о возмещении расходов, понесенных при расследовании в Гибралтаре;

5. *Отклонил* единогласно другие требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 27 сентября 1995 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагается отдельное мнение судей.

**СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ
РИССДАЛА, БЕРНХАРДТА, ТОРА ВИЛЬЯЛМСОНА,
ГЁЛЬКЮКЛЮ, ПАЛМ, ПЕККАНЕНА,
СЭРА ДЖОНА ФРИЛЭНДА, БАКА И ЯМБРЕКА**

1. Мы не можем согласиться с мнением большинства наших коллег о том, что в данном деле имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

2. Мы представим свои соображения по основным моментам дела в том порядке, в котором они рассматриваются в судебном решении.

3. Что касается раздела, в котором дается интерпретация статьи 2, мы согласны с выводом, сделанным в п. 155, что различие между нормами Конвенции и национальными нормами в том, что касается правомерности использования оружия, приведшего к лишению жизни, не является достаточным, чтобы только на этом основании можно было сделать вывод о нарушении статьи 2 п. 1. Мы также согласны с выводом, сделанным в п. 164, что не было нарушения статьи 2 п. 1 вследствие каких-либо недостатков при проведении на национальном уровне расследования обстоятельств, сопутствовавших гибели людей.

4. Что касается раздела, в котором рассматривается применение статьи 2 к фактам данного дела, мы полностью согласны с отклонением как бездоказательного утверждения заявителей о том, что лишение жизни трех подозреваемых было умышленным или явилось результатом молчаливого соглашения участников операции (п. 184).

5. Мы также согласны с выводом, сделанным в п. 200, относительно того, что действия четырех военнослужащих, которые вели огонь, не являются по своей сути нарушением статьи 2. Справедливо допустить, что эти военнослужащие искренне верили, учитывая предоставленную им информацию, что необходимо было действовать именно так, как они и поступили, для того, чтобы помешать подозреваемым взорвать бомбу, что привело бы к большому человеческим жертвам: предпринимаемые ими действия воспринимались ими как абсолютно необходимые для защиты жизни невинных людей.

6. Мы, однако не согласны с оценкой, сделанной большинством (п. 202—214), способа, которым руководители операции осуществляли ее контроль и организацию. Именно на ней основано решение о наличии нарушения.

7. Напомним вначале, что события этого дела были тщательно изучены на местном уровне в ходе расследования, которое проводилось в Гибралтаре в течение 19 дней с 6 по 30 сентября 1988 г. Жюри присяжных, выслушав показания 79 свидетелей (включая военных, офицеров полиции и сотрудников службы наблюдения, участвовавших в операции, а также патологоанатомов, экспертов судебной медицины и специалистов по взрывным устройствам) и выступление коронера о применяемых нормах национального права, приняло решение девятью голосами против двух о правомерном лишении жизни. Далее обстоятельства дела были тщательно изучены и оценены Комиссией, которая в своем докладе пришла к выводу одиннадцатью голосами против шести о том, что нарушение Конвенции не имело места.

Вывод проведенного судебного расследования на основе действующего национального права, не является сам по себе решающим фактором при разрешении спора на основании Конвенции в данном Суде. Но, учитывая чрезвычайную важность в этом деле надлежащей оценки фактов и несомненного преимущества, которое имело жюри присяжных, наблюдая поведение свидетелей, которые давали свои показания при допросе и перекрестном допросе, значение этого вывода, конечно, нельзя недооценивать. Равным образом, Суд не связан оценкой установленных фактов Комиссией, но со стороны Суда, поскольку он знакомится с показаниями свидетелей лишь опосредованным образом, было бы ошибкой не придать должного значения докладу Комиссии — органа, который прежде всего уполномочен, в соответствии с Конвенцией, устанавливая факты и который, несомненно, имеет большой опыт в выполнении этой задачи.

8. Прежде чем обратиться к различным аспектам операции, которые подверглись критике в судебном решении, мы хотели бы выделить три момента общего характера.

Первое: делая любую оценку способа организации и контроля за проведением операции, Суд должен стараться устоять перед искушением воспользоваться преимуществом возможности судить задним числом. В то время властям приходилось планировать и принимать решения в условиях недостатка информации. Только подозреваемые знали точно о своих намерениях, и частью их цели, так же, как, несомненно, частью их подготовки, было сделать так, чтобы об их намерениях было известно как можно мень-

ше. Вряд ли оправданы ретроспективные выводы, когда многое уже произошло, о том, что было бы лучше действовать другим способом, чем тем, который был выбран в то время в трудных условиях проведения антитеррористической операции, и таким путем признать его виновным и ошибочным. Его не следует считать таковым, если только не установлено, что при известных в то время обстоятельствах предпочтительнее был бы другой способ действий.

9. Второе: необходимость для руководителей операции действовать в строгих рамках закона, в то время как подозреваемые считали гибель сотрудников сил безопасности нормальной, а случайную смерть или увечья, причиненные гражданским лицам, несущественными, неизбежно давала подозреваемым тактическое преимущество, которым им ни в коем случае не следовало дать воспользоваться. Последствия взрыва большой бомбы в центре Гибралтара могли быть настолько разрушительными, что власти, понимая свою ответственность, не должны были рисковать и дать подозреваемым возможность осуществить такой взрыв. Конечно, обязательство Великобритании по статье 2 п. 1 Конвенции распространяется на жизни подозреваемых в такой же степени, как и на жизни многих других гражданских и военных лиц, которые находились в это время в Гибралтаре. Но, в отличие от этих других, целью находившихся в Гибралтаре подозреваемых было осуществление преступного замысла, который при успешной его реализации мог бы привести к потере многих невинных жизней. Они предпочли поставить себя в такое положение, где имелась серьезная опасность возникновения непримиримого конфликта между этими двумя обязанностями.

10. Третье: при оценке Судом поведения властей должна в полной мере учитываться (а) информация, которая была получена ранее, о намерениях ИРА организовать крупный террористический акт в Гибралтаре с помощью группы активных действий из трех человек; и (b) факт обнаружения (в соответствии с показаниями, которые дал на следствии свидетель О) в Брюсселе 21 января 1988 г. автомобиля, содержащего большое количество взрывчатого вещества “Семтекс” и четырех детонаторов с радиоуправляемой системой то есть устройства, известного в Северной Ирландии.

В свете пункта (а) решение о том, что в ответ на просьбу комиссара полиции Гибралтара об оказании военной помощи сотрудники SAS должны быть направлены для участия в операции было полностью оправданным. Военные подразделения, обученные борьбе с террористами и успешно действующие малочисленными группами, конечно, были подходящим выбором для борьбы с угрозой теракта, подготовляемого группой активных действий ИРА в густонаселенном районе, таком как Гибралтар, где необходимо было в максимальной степени ограничить риск случайной гибели людей.

Совещание о деталях операции, состоявшееся 5 марта 1988 г. (п. 22—31), показывает разумность оценки ситуации, сделанной в то время и при известных в то время обстоятельствах. Приказ комиссара полиции Гибралтара о проведении операции, составленный в тот же день, четко запрещал применение большей чем необходимо силы и требовал, чтобы любое применение огнестрельного оружия проводилось осторожно, с учетом безопасности людей, находящихся поблизости. Цель операции обозначена в нем как намерение защитить жизнь людей, предотвратить попытку совершения теракта, арестовать преступников и гарантировать безопасность содержания заключенных под стражей (п. 17 и 18).

Все это свидетельствует о соответствующем внимании со стороны властей. Об этом же говорит и осторожный подход к передаче в конечном счете управления операцией военным 6 марта 1988 г. (п. 54—58).

11. Что касается изложенных в решении Суда отдельных критических замечаний по проведению операции, то главное в них — выражение сомнения (в п. 203—205) относительно решения не препятствовать въезду в Гибралтар трех подозреваемых лиц. В п. 203 указывается, что с учетом заблаговременно полученной властями информации, а также находящихся в их распоряжении сил безопасности, они имели возможность провести операцию задержания на границе.

Однако в решении Суда не говорится о том, что властей не устраивал арест подозреваемых на этой стадии. С нашей точки зрения, это правильно, поскольку на этой стадии могло не оказаться достаточных улик, чтобы обосновать их задержание и придать к суду. Освободить их после того, как они узнают о состоянии готовности властей, значило бы увеличить риск того, что они сами или другие члены ИРА могли бы впоследствии успешно осуществить повторный террористический акт в Гибралтаре. С учетом обстоятельств, известно, что стороны властей то, что они отложили арест вместо того, чтобы просто остановить подозреваемых на границе и вернуть их в Испанию.

12. Пункт 206 решения Суда перечисляет некоторые “ключевые суждения”, сделанные властями, которые, как сказано в п. 207, оказались ошибочными, хотя они принимаются в качестве возможных гипотез в ситуации, когда истинные факты были неизвестны и власти действовали на основе ограниченной разведывательной информации. Пункт 208 продолжает критику в том направлении, что “по-видимому, другие варианты развития событий были проработаны недостаточно”.

13. В качестве первого примера обоснования критических замечаний этот пункт далее констатирует, что, поскольку взрыв бомбы не ожидался до 8 марта, “также можно было прийти к выводу, что... террористы были направлены с разведывательной миссией”.

Однако не было ничего нелогичного в заключении, сделанном на оперативном совещании 5 марта, что автомобиль, который прибудет в Гибралтар, едва ли, с учетом приведенных доводов, будет просто “дополнительным автомобилем для предварительной парковки (см. п. 23 (e)). Поэтому, когда автомобиль был запаркован в людном месте одним из подозреваемых, и при этом все трое оказались в Гибралтаре, власти могли вполне оправданно действовать согласно рабочей гипотезе о нахождении в автомобиле взрывного устройства. Одновременно, поскольку подозреваемые едва ли собирались еще раз рисковать и повторно приехать в Гибралтар, не представлялось “также” вероятным, что они прибыли лишь с разведывательной миссией.

Кроме того, военнослужащий F, главный военный советник комиссара полиции Гибралтара, дал во время расследования показания о том, что, согласно разведывательным данным, мероприятия разведывательного характера ранее уже неоднократно осуществлялись террористами. Как ему доложили, эти мероприятия уже завершены, и операция готова была начаться. В этих условиях, если бы власти не действовали с учетом наихудшего варианта, т. е. варианта наличия в автомобиле взрывного устройства, которое могло быть взорвано подозреваемыми во время их пребывания в

Гибралтаре, то они продемонстрировали бы безответственное отношение к вопросам безопасности.

14. Далее, во втором абзаце п. 208 проводится мысль о том, что на оперативных совещаниях или после того, как подозреваемые были обнаружены, “могли быть высказаны предположения, что они едва ли намеревались взорвать бомбу и уничтожить тем самым большое число гражданских лиц в тот момент, когда Макканн и Фаррелл шли не спеша в направлении пограничного района, поскольку это увеличивало бы риск их обнаружения и задержания”.

Вопрос, однако заключается в том, могли ли власти с уверенностью действовать, предполагая, что подозреваемые едва ли взорвут бомбу, если во время продвижения к границе они поймут, что их обнаружили и существует угроза задержания. По нашему мнению, ответ ясен: весь предыдущий опыт деятельности ИРА безусловно не дает надежных оснований для вывода о том, что убийство большого числа гражданских лиц явилось бы само по себе сдерживающим фактором, или о том, что подозреваемые во время задержания предпочли бы отказаться от взрыва, нежели произвести его, вызвав жертвы среди гражданских лиц. Нелишне вспомнить, что, согласно показаниям военнослужащего F, в разведывательной информации были данные о том, что в ИРА есть намерение устроить “фейерверк”. Он также высказал уверенность в том, что, будучи загнанными в угол, подозреваемые без колебания нажали бы на кнопку ради достижения хотя бы некоторого пропагандистского успеха: они попытались бы извлечь такой успех из факта ввоза взрывного устройства в Гибралтар, и это перевесило негативную оценку, которая могла бы вызвать гибель гражданских лиц.

15. Далее во втором абзаце п. 208 утверждается, что вряд ли Макканн и Фаррелл намеревались взорвать бомбу, когда они “шли не спеша в направлении пограничного района”, и далее “неправдоподобна мысль о том, что в этом момент они уже настроили передатчик, который позволил бы им немедленно взорвать предполагаемую бомбу в случае попытки их задержания”.

В этом случае, как мы полагаем, вопрос состоит в том, могли ли власти с должным благоразумием действовать по-другому, когда имелась, пусть даже самая минимальная, возможность того, что если не раньше, то сразу же после того, как подозреваемые поймут, что их обнаружили, передатчик будет в состоянии готовности для взрыва бомбы.

16. Далее, в третьем подпункте п. 208 говорится, что “даже если учесть уровень технической подготовки ИРА, то описание детонатора как “устройства, где надо только нажать кнопку” без тех оговорок, которые позже были сделаны экспертами во время расследования (см. п. 115 и 131 выше), о значении которых компетентные власти должны были быть осведомлены, представляет собой крайне упрощенную характеристику конструкции этих устройств”. Цель этой критики не вполне ясна. Очевидно лишь то — и с этим согласился эксперт заявителей во время расследования — что передатчик того типа, который, как полагали, скорее всего был использован в данном случае, мог быть настроен таким образом, чтобы вызвать взрыв простым нажатием кнопки, а в свете прошлого опыта было бы крайне неразумно сбрасывать со счета возможность технических новшеств ИРА в этой области.

17. В пункте 209 судебного решения выражена обеспокоенность тем, что сделанное военными G предположение о том, что можно подо-

зреть наличие бомбы в автомобиле, было передано другим военнослужащим таким образом, что у них создалось впечатление о том, что присутствие бомбы было уже определенно установлено. Однако с учетом предположений по поводу вероятности использования дистанционного управления, а также ряда признаков, указывающих на то, что автомобиль, безусловно, должен был вызывать подозрение о наличии в нем взрывного устройства, ответные действия, которые, вне сомнения, обязаны были предпринять военнослужащие, явились бы идентичными, вне зависимости от того, поняли ли они переданную информацию как достоверную или она была воспринята ими в том смысле, как это имел в виду военнослужащий G. В любом случае существование риска для населения Гибралтара, с учетом источника риска, вполне оправдывало последовавшие ответные действия.

18. Пункт 209, со ссылкой на предположение, сделанное военнослужащим G, также напоминает, что хотя у него и был опыт работы со взрывными устройствами, заложенными в автомобили, он не являлся специалистом по радиосвязи и взрывчатым веществам. Однако, рассматривая это предположение, справедливости ради можно было бы добавить, что хотя проведенный им осмотр автомашины не был продолжительным, он тем не менее был достаточным для того, чтобы дать ему возможность сделать вывод (особенно из-за необычного вида антенны, не соответствующей возрасту автомашины, и знания того, что ИРА в прошлом использовала автомашины со специально установленными антеннами), что данный автомобиль следовало рассматривать в качестве подозрительного на наличие бомбы.

Как бы то ни было, действия властей не основывались только на оценке военнослужащего G. И раньше полагали, на что мы ссылались в п. 13, что маловероятно использование “дополнительной автомашины для предварительной парковки”. Кроме этого было замечено, что машина была припаркована Сэвиджем, который был известен как специалист по изготовлению бомб и который провел в машине (по показаниям одного свидетеля) две или три минуты, возясь с чем-то между сиденьями.

19. В пункте 210 судебного решения фактически утверждается, что использование силы, влекущей за собой лишение жизни стало “почти неизбежным” после передачи военнослужащим A, B, C и D ряда рабочих гипотез, правомерность которых была поставлена под сомнение в связи с тем, что не были полностью учтены альтернативные возможности, и в связи с тем, что с “определенностью сообщалось о существовании автомобиля со взрывным устройством, которое... могло быть детонировано нажатием кнопки”.

В п. 13—16 мы уже касались аргументов, выдвинутых в поддержку вывода, что не были учтены должным образом альтернативные гипотезы, а в п. 17 и 18 — вопроса каким образом было доложено о наличии заминированной автомашины.

Мы оспариваем вывод о том, что применение силы, повлекшей за собой лишение жизни, стало “почти неизбежным” из-за ошибок властей в этих вопросах. Совершенно независимо от любых других соображений этот вывод недостаточно учитывает роль случая в возможном исходе событий. Если бы не действия, предпринятые Макканом и Фаррелл, когда военнослужащие A и B приблизились к ним, и которые могли быть вызваны абсолютно случайно раздавшимся в это время звуком полицейской сирены, остается вероятность того, что они могли бы быть схвачены и арестованы без единого выстрела, и если бы не действия Сэвиджа, когда военнослужа-

щие С и D приблизились к нему, которые могли быть вызваны тем, что он услышал стрельбу, которая произошла во время инцидента с Макканном и Фаррелл, сохраняется вероятность, что он также мог быть схвачен и арестован без применения оружия.

20. В конце п. 211 несколько иносказательно констатируется, что власти не проявили достаточной осторожности при оценке находящейся в их распоряжении информации перед передачей ее военнослужащим, “применение оружия которыми автоматически означает стрельбу на поражение”. Другими словами, не учитывалась возможность ошибок”, о чем говорится в начале пункта. Мы уже касались проблемы “недостаточной проработки других вариантов развития событий” (см. п. 13—16 выше), идентичную проблеме возможности ошибки. Чтобы судить о способе оценки властями информации, имеющейся в их распоряжении, должно в любом случае надлежащим образом учитывать необходимость для властей довольствоваться неполной информацией (см. п. 8 выше), и нет неоспоримых оснований предполагать, что имелаась информация, которую они должны были бы знать, но не знали.

21. В пункте 212 после краткого упоминания об ограничениях расследования в публичном интересе, и слов о том, что не ясно, “оправданно ли применение огнестрельного оружия с целью поражения теми конкретными обстоятельствами, с которыми они столкнулись в момент ареста”, далее говорится, что “их рефлекторные действия в этом жизненно важном вопросе лишены той степени осторожности в использовании огнестрельного оружия, которую следует ожидать от сотрудников правоохранительных органов в демократическом обществе, даже когда они имеют дело с опасными людьми, подозреваемыми в терроризме, и явно не отвечают требованиям проявлять осторожность, предусматриваемую инструкциями по использованию полицией огнестрельного оружия”. И в заключение утверждается, что это “упущение властей также дает основания предполагать, что не была проявлена необходимая осторожность при контроле и проведении операции ареста”.

22. Относительно предположения о том, что если бы от военнослужащих в соответствии с их подготовкой и инструкциями требовалась оценка ситуации, чтобы стрельба на поражение могла быть расценена ими как оправданная обстоятельствами в то время, необходимо напомнить, что ситуация предполагала полную уверенность с их стороны в том, что подозреваемые могли в любую минуту, нажав на кнопку, взорвать бомбу. В данной ситуации стрельба с целью только ранить могла бы привести к особенно опасному повороту: ранение могло и не лишить подвижности подозреваемого и позволило бы ему или ей нажать кнопку, если он или она намеревались сделать это.

23. В целом, что касается подготовки этих военнослужащих (и не только их), во время расследования было получено достаточно свидетельств того, что они обучены реагировать на угрозу (подобную той, которая, как предполагалось, была создана в данном случае подозреваемыми — опасными террористами, подвергающими непосредственному риску жизни многих людей) открытием огня немедленно, как только становится ясно, что подозреваемый не отказывается от своих намерений. Задача, которая преследуется при этом, может быть достигнута только огнем на поражение. Во время расследования было также установлено, что от военнослужащих SAS требуют осмотрительности, что они не должны открывать огонь не задумываясь, и они этого и не сделали; но они действительно должны действо-

вать очень быстро. Кроме этого доказано, что военнослужащие SAS, на самом деле в подавляющем большинстве случаев в прошлом успешно арестовывали террористов.

24. Мы далеко не убеждены, что у Суда в свете результатов расследования и данных о террористической деятельности были основания считать, что военнослужащие были малоподготовленны и что действия военных в данном случае “лишены той степени осторожности в использовании огнестрельного оружия, которую следует ожидать от сотрудников правоохранительных органов в демократическом обществе”. (Мы также не считаем в свете имеющихся данных, что справедливо утверждение о “рефлекторном действии в этом жизненно важном вопросе”. Быть обученным мгновенно реагировать и действительно поступать так, когда требует ситуация, не является рефлекторным действием.)

Мы также не признаем того, что различия между руководством для полицейских по использованию огнестрельного оружия (п. 137 судебного решения) и руководством “Огнестрельное оружие — правила применения”, приложенным к оперативному приказу комиссара полиции (п. 136) и рассмотренным вместе (как следовало сделать) с Правилами применения оружия, выданными военнослужащему F Министерством обороны (п. 16), могут быть основанием для утверждения, что норма осторожности, вменяемая в обязанность военнослужащим, была недостаточной. Эти различия без сомнения можно отнести за счет различий в подготовке и требованиях тех, кому эти руководства были адресованы, принимая во внимание соответствующую предварительную подготовку этих категорий лиц (необходимо отметить, что, в соответствии с показаниями военнослужащего F, военнослужащие SAS слушают лекции о концепции правового государства и необходимости ограничивать до минимума применение силы). Мы не понимаем, как можно увидеть в самих инструкциях для военнослужащих отсутствие должной осторожности при использовании огнестрельного оружия.

В соответствии с этим мы считаем, что вывод о том, что со стороны властей имели место упущения в этом отношении, предполагавшие отсутствие необходимой осторожности при контроле и проведении операции ареста, является необоснованным.

25. Обвинение в нарушении государством своего обязательства охранять право на жизнь по статье 2 Конвенции является чрезвычайно серьезным. По причинам, приведенным выше, анализ обстоятельств дела в п. 203—213 судебного решения, как нам кажется, не обосновывает вывода о нарушении статьи 2. Мы склонны согласиться с мотивировкой и заключениями Комиссии, изложенными в ее всеобъемлющем, тщательном и исключительно реалистичном докладе. Подобно Комиссии, мы считаем, что не было просчетов со стороны властей при организации и проведении операции, позволяющих сделать вывод о том, что против подозреваемых была применена сила, несоразмерная с целью защиты невинных людей от противоправного насилия. Мы считаем, что применение силы, влекущей за собой лишение жизни, в данном деле, как бы ни было прискорбно ее применение, не превышает того, что при известных в то время обстоятельствах было “абсолютно необходимо” в этом случае и не равносильно нарушению Соединенным Королевством его обязательств по Конвенции.